

Опера Евгений Онегин
100. антологией театр

ПОРА НАМ В ОПЕРУ

УХОДЯЩАЯ оперная зима принесла Москве два главных сюжета. Театр Дружбы народов (вместе с Министерством культуры и Союзом театральных деятелей бывшего СССР) провел юбилейные Дни Сергея Прокофьева в Москве, а Большой театр показал наконец-то свою «американскую» премьеру «Евгения Онегина». Само выделение праздничных Дней среди будней есть необходимая драматургия жизни, в том числе и оперной. За что, разумеется, спасибо организаторам-драматургам (все прекрасно знают, чего стоит сегодня прочертить некий рельеф культуры). Однако столетие со дня рождения великого русского композитора, создателя выдающегося по значению в XX веке музыкального театра, требовало совсем иного уровня. Прежде всего художественной реальности. Исключая Мариинский театр, который имел все основания устроить автономный прокофьевский фестиваль, оперная Россия сделала приношение своему гению в виде двух (!) премьер: «Обручение в монастыре» Екатеринбургского и «Маддалена» Самарского театров. Можно, конечно, пуститься в воспоминания о замечательных прокофьевских постановках прежних лет, но... «в карете прошлого далеко не уедешь», поэтому даже «спокойное» название «Дни», призванное камуфлировать фестивальный подтекст акции, не могло спасти положение.

Надежда

«Обручение» Большого театра (Б. Покровский, А. Лазарев, В. Левенталь), возобновленное в 1989 году (после премьеры 1982 года) и показанное в начале Дней, ныне производит впечатление спектакля из «доброты, старого времени». Он лишен воздуха, лирического объема. Решение тяготеет к одномерности и назидательности, а жесткие акценты призваны разоблачить «уродливую пару» — Дуэнью и Мендозу, этаких «дуремаров» и по внешнему виду, которые, как пишет сам Б. Покровский, «по концепции Прокофьева не достойны праздника, не достойны даже крупницы счастья». Но неужели композитор только издевается над своими героями, «обрекает... на позор... не дает и нам примириться с ними»? Как же тогда быть, например, с чудесной лирикой, которая предъявляет свои права в сцене свидания Дуэньи и Мендозы (четвертая картина), с изумительной темой «ночной Севильи», завораживающей не только Мендозу («Какой роман!»), но и нас? «Дон Жером, сегодня карнавал!». Завтра, наверное, Мендоза и станет необаятельным прагматиком, обывателем, но сегодня... Карнавал увлекает всех своей игрой и жадной метаморфоз. И карнавальный Прокофьев явно берет верх над бичующим морализатором. Впрочем, это сегодняшняя точка зрения, когда очень хочется праздника и доброты, фантазии и надежды, а не обличения, непримиримой борьбы и «строгости суда чести». Мастер же, поставивший «Игрока», быть может, лучший спектакль 70-х годов, выдающийся интерпретатор Прокофьева, безусловно, имеет аргументы для своей трактовки. Но тогда ее необходимо

прочертить до конца вместе с вновь введенными артистами, которые не должны размывать задуманный острохарактеристичный, жесткий контур режиссерской графики.

Зато «Обручение» из Екатеринбурга (Е. Бражник, А. Титель, В. Левенталь) стало обаятельной улыбкой Дней Прокофьева. Это вовсе не означает совершенства спектакля. К сожалению, он несет лишь отблеск, последнее «прости» того прекрасного театра, каким был союз единомышленников из Свердловска в 80-е годы. Постановка не дотягивает до уровня вдохновенной целостности «Пророка» и «Сказок Гофмана». Но она отмечена той же высокой пробой человечности, умного, фантазийного искусства, замечательными актерскими работами.

«Маддалена» Самарского театра предстала (своеобразной версией режиссера Ю. Александрова и художника В. Окунева) как естественная вариация опыта молодого Прокофьева, который и сам стал героем постановки. Эффект «двойного» театра, неожиданное «зазеркалье», легко преломляющее действие «створками» Петербурга и Венеции, создавали сценический объем, который, впрочем, не был подкреплен оригинальной музыкальной интерпретацией прокофьевского эксперимента (дирижер В. Беляков). В целом юная красавица из Самары, ровным образом связавшая двух друзей, показалась достаточно пикантной среди двух «Обручений» более зрелой оперной жизни.

Второй акт сезона — «Евгений Онегин» (снова А. Лазарев, Б. Покровский, В. Левенталь) вызвал бурную реакцию, вплоть до резкого неприятия. Все же спектакль нуждается в спокойном, взвешенном разговоре. Ясно, что событием он не стал, хотя бы потому что «лирические сцены» оказались не самым волнующим жанром для А. Лазарева. Вместе с тем в спектакле есть живое, теплое начало. Есть поиск быстротекущей жизни, желание остановить ее мгновения в уюте усадебного быта и острое ощущение ее необратимости и слома (очень хороша сцена бала у Лариных), наконец, предопределенности, неизбежного и драматического перехода юности к другой жизни (в «петербургских» картинах). Кроме того, были две чудные девушки: необычная, словно наполненная свежим воздухом деревни, а не изначально никнущая Татьяна (М. Гаврилова пленила красивым тембром и вибратором) и лучшая из виденных мной Ольга (Е. Заремба).

В общем, хотя московская оперная зима не отличалась магией петербургской, надежды на весну она сохранила.

Михаил МУГИНШТЕЙН.

67